

УДК 070.431.4 + 341.9 + 355.014

В. М. Амиров

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ АНАЛИЗА В ЖУРНАЛИСТИКЕ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

На примере газетных и журнальных материалов современных журналистов показаны основные подходы к аналитической публикации по проблематике вооруженного конфликта.

Ключевые слова: журналистика, фронтовой корреспондент, объективность, оценка.

Подготовка аналитических материалов, посвященных вооруженным конфликтам, является сложной задачей даже для многоопытного журналиста. У фронтового корреспондента, работающего в зоне боевых действий, как правило, очень мало времени на осмысление поступающей информации. Да и река этой информации редко бывает полноводной. Поделиться новостями не спешит ни медлительный, тщательно выверяющий свои заявления пресс-центр, ни сами участники событий, часто подозрительно относящиеся к представителям СМИ. Обильно циркулирующие в журналистском сообществе слухи опасно брать на веру, поскольку, опираясь на них, легко можно оказаться вовлеченным в очередной этап постоянно ведущихся информационных войн. Тем не менее читатели ждут от автора подробностей и оценку происходящего, которые помогли бы понять, что, собственно говоря, происходит, увидеть тенденции развития ситуации, спрогнозировать варианты решения проблемы. Для удовлетворения этого вполне понятного интереса журналист анализирует увиденное и услышанное, работает с документами, которые оказались в его распоряжении, формируя аналитическое представление о происходящем.

Под военным анализом следует понимать выявление, оценку военных стратегических или тактических преимуществ (недостатков). Он может иметь своей целью исследование возможного театра военных действий, структуры вооружения армий вероятного противника, уровня боевой и морально-политической подготовки офицерских кадров и т. п. [8, 73].

Для того чтобы картина была полной и содержала ответы на задаваемые читателем вопросы, журналистский анализ должен иметь четкую структуру. Фундаментом такой структуры является **выяснение истинных причин военного конфликта**. При кажущейся простоте решения эта задача на самом деле далеко не так легка. Чтобы разобраться в причинах, необходимо разобраться в предыстории конфликта, в его этнонациональных и религиозных предпосылках, в экономических проблемах, предшествовавших вооруженному столкновению. Примеров того, насколько сложной может быть аналитическая работа

АМИРОВ Валерий Михайлович — кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: vestnik-va@mail.ru).

© Амиров В. М., 2011

такого рода, предостаточно. Из самых последних — еще тлеющая пятидневная война между Грузией и Южной Осетией, причина которой далеко не очевидна и кроется в многовековой истории взаимоотношений двух народов, исповедующих одну религию и связанных многими экономическими и культурными нитями. Вот, например, какую версию причин конфликта и вариант его возможного развития предлагает в своем материале военный корреспондент газеты «Аргументы и факты»:

В Южной Осетии обкатывается война нового типа: хроническая болевая точка, затяжной позиционный конфликт, как в той же Палестине. Этакая вялотекущая война под ковром. С диверсионно-разведывательными группами, нашествиями через границу десятков тысяч беженцев и т. д. Не получилось в лоб — будут вредить и изматывать силы. Грубо говоря, в Иерусалим и сектор Газа пытаются превратить обе Осетии, Ингушетию, а в перспективе, и весь Кавказ. Цель — сорвать стабилизацию, дискредитировать Россию, показать неспособность ее вооруженных сил справиться с ситуацией, оспорить итоги пятидневной войны, а в конечном счете дать Западу повод для введения в регион сил типа КФОР. Дескать, «у вас бардак, мы наведем порядок сами» [4].

Необыкновенно сложен в своей сути военный конфликт между двумя бывшими советскими республиками — Арменией и Азербайджаном. И хотя формальным поводом стали взаимные претензии на небольшой клочок земли — Нагорный Карабах, на самом деле причин конфликта между еще недавно близкими народами много.

В последнее время среди причин вооруженных конфликтов все чаще фигурируют этнорелигиозные. Причем обычно религиозная составляющая тесно переплетается с экономической, когда конфликт вспыхивает на фоне крайнего обнищания какой-то группы населения, недовольства людей своим бедственным положением. Вот как описывает журналист развитие подобного конфликта в Кабардино-Балкарии:

С работой — беда. Устроиться — деньги, учиться — деньги, жить спокойно — деньги. То, что называется коррупцией, здесь приобрело более чем осязаемые масштабы... Единственными, кто сочувствовал и заступался, оказались младомусульмане... Действия последовали незамедлительно. Создали комитет по противодействию идеям радикального ислама. И боролись как умели. Умели палкой. К людям, попавшим в список «ваххабитов» только потому, что они ходят в мечеть и делают намаз, стали регулярно наведываться с обысками. Наведывались в неделю три раза, из разных отделов. Били, конечно, а те своим друзьям рассказывали — за что. Прокуратура заявления не принимала, а на работу «меченых» уже не брали. Вот так все и начиналось [7].

Исследование этих причин требует от журналиста большой квалификации и желания разобраться, но только глубокое понимание темы сделает материал достоверным и объективным.

Объективность материала будет высокой, если журналист сможет разобраться **с составом вовлеченных в конфликт сил, выявить цели этих сил, а также противоречия, наличествующие между ними**. Примером таких противоречий могут служить взаимоотношения, сложившиеся в стане оппозиции в период войны в Афганистане. Хотя мятежники вместе противостояли правительственным войскам и проводили диверсии против частей и соедине-

ний ограниченного контингента советских войск, каждая из группировок исходила из своих интересов, что остро проявилось после падения режима Наджибуллы.

Большое значение для оценки перспектив развития конфликта имеет **точная оценка ресурсов, имеющих у противоборствующих сторон**. Речь идет как о собственно военных ресурсах (оружие, техника, снаряжение, продовольствие), так и об экономических (способность экономики работать в условиях боевых действиях и обеспечивать свои вооруженные силы необходимым) и политических ресурсах (международная поддержка, поддержка со стороны влиятельных национально-этнических и религиозных сообществ и т. п.). Примером такого анализа может служить корреспонденция М. Жорохова, опубликованная в журнале «Авиация и время»:

По состоянию на 1 января 2008 года, в состав ВВС Грузии входили: как минимум 9 штурмовиков Су-25 (5 Су-25/Су-25К, 3 Су-25КМ «Скорпион», которые в ВВС Грузии называют «Мимино», 1 Су-25УБ), 6 учебно-тренировочных самолетов L-39 «Альбатрос», пара Ан-28, 4 Як-52, 6 Ан-2, 9 боевых вертолетов Ми-24/Ми-35, 16 военно-транспортных вертолетов Ми-8МТ/МТВ-1, 2 Ми-14 и 6 УН-1Н «Ирокез». Все самолеты базируются на авиабазе Марнеули, которая расположена южнее Тбилиси. Вертолеты базируются в военной части Тбилисского аэропорта Алексеевка. Часть военно-транспортных вертолетов Ми-8/Ми-17 и УН-1Н входят в состав авиации МВД Грузии [3].

Вот другой пример квалифицированного анализа военных ресурсов, имеющих в распоряжении одной из противоборствующих сторон. Журналист ставит перед собой задачу оценить возможности армии Азербайджана и потенциально противостоящих ему сил в борьбе за контроль за отделившейся территорией Нагорного Карабаха:

Приводить какие-либо количественные показатели карабахские военные ни за что не желали. Секретность! Хотя независимые источники приводят следующие данные: в НКР более 600 единиц бронетехники, из которых как минимум 200 — танки, остальные — БМП и БТР. Попробуем все-таки прибавить их к заявляемым Арменией 198 танкам Т-72, к 320 БМП различных модификаций и почти 150 бронетранспортерам. И сравним сумму с появлявшимися в различных СМИ сведениями по Азербайджану: 290 танков, 700 боевых бронированных машин. Получаются вполне сопоставимые цифры [1].

Откуда взяты эти цифры? В основном из открытых источников, которых предостаточно. Все официальные сделки по продаже оружия и боевой техники, согласно международным соглашениям, декларируются сторонами — участниками военно-технического сотрудничества, а объемы сделок, осуществляемых на «черном» рынке оружия, оцениваются многочисленными экспертами достаточно точно. Значительное количество исследований, касающихся военного потенциала того или иного государства, опубликовано в том числе и в интернет-ресурсах. Нужно только научиться обращаться к этим источникам и грамотно пользоваться ими. Открытыми являются и тексты международных договоров по ограничению вооружений. В приложениях к этим документам, исполнение которых жестко контролируется как специально создаваемыми экспертными

комиссиями, так и техническими средствами контроля, обычно до единицы указывается разрешенное количество бронетехники, артиллерии, авиации и других средств поражения. Одним из весьма показательных в этом смысле документов может служить Договор об обычных вооружениях в Европе, который предписывает договорившимся сторонам точно информировать друг друга о каждой единице боевой техники, размещенной от Атлантики и до Урала. Причем договором вводятся не только общие, но и так называемые «фланговые» ограничения. Иными словами, журналист, желающий дать своим читателям или зрителям представление о возможностях сторон по ведению боевых действий, может достаточно точно это сделать, прибегнув только к открытым и широко известным специалистам источникам.

Иногда для анализа имеющихся у сторон ресурсов достаточно простых, но внимательных наблюдений. Вот, например, какие оценки уровню подготовки южноосетинских вооруженных формирований к сопротивлению агрессору дает корреспондент журнала «Русский репортер»:

Грузинской армии противостояли фактически неорганизованные подразделения — южноосетинскую армию уместнее было бы назвать ополчением. Оперативное управление войсками не осуществлялось. Не велось управление огнем. Как оказалось, никакой связи, кроме мобильных телефонов и примитивных раций, у южноосетинских военных не было [9].

Также важно при оценке потенциала вовлеченных в боевой конфликт сторон учитывать их **информационные ресурсы**, т. е. способность к организации информационной поддержки своих действий. Именно о таких ресурсах аналитическая корреспонденция британской газеты «Индепендент» «Почему Запад проигнорировал правду о войне в Грузии»:

...многие представители прессы побывали в оказавшейся в центре конфликта Южной Осетии, чтобы попытаться установить факты. Не те «факты», которые сообщала нам тогда чрезвычайно ловкая и проворная пиар-машина Грузии... Они постарались установить факты на основе рассказов о пережитом очевидцев: местных жителей, местного военачальника, а также многочисленных безоружных наблюдателей, направленных в этот регион Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе [2].

В этих же рамках нужно рассматривать способность ряда «объективных» СМИ к постановочным материалам, представляющим ситуацию заведомо в интересах одной из воюющих сторон:

Тем временем журналисты американской телекомпании Fox news выдумывают трюк. В соседнем, непострадавшем доме они нашли живописно сморщенную старушку. Нагрузили ее чужими чемоданами и сумками, выброшенными взрывной волной из разрушенной пятиэтажки, — делают сюжет. Вообразите картину: старушка, обливаясь потом, тащит вещи, рядом с ней вышагивает репортер с микрофоном — одна его попа, как две такие старушки, — он то и дело тычет в нее пальцем и говорит что-то про бесчеловечную политику России. Задом пятится оператор с камерой — все это снимает. Внезапно съемка прекращается. Короткое производственное совещание. Третий человек, отвечающий за штатив, срывается с места и бежит в направлении пожара. Вскоре он приносит еще какую-то сумку и привязывает ее к ручке чемодана. Теперь старушка

смотрится гораздо жалостливее. Ей предстоит второй дубль. Интересно, они хотя бы покормили ее перед съемками? [6].

Вряд ли стоит строить иллюзии относительно объективности даже тех СМИ, которые по традиции считаются эталоном профессионализма и честности. В условиях боевых действий, когда на кону стоят ценности геополитики, а прямую заинтересованность в том или ином варианте разрешения конфликта выражают, не оглядываясь на политес, первые лица ведущих мировых держав, наивно полагать, что в борьбу на стороне своих правительств не будут вовлечены средства массовой информации. Пятидневная война на Южном Кавказе в августе 2008 г. в очередной раз подтвердила эту печальную для журналистики истину. Вот что говорит о сложившейся в Южной Осетии ситуации со «справедливостью» СМИ президент Ассоциации военной прессы Геннадий Дзюба в своем интервью «Российской газете»:

Для западных журналистов не было тайной, кто на кого напал. Но при этом события освещались так, как освещались. Объективности мы не дождались. Такое отношение западных СМИ, которые раньше были для нас мерилом свободы слова, стало новшеством. Ни CNN, ни Рейтер, ни другие не захотели показать правду. Нашу точку зрения на Западе не хотели слышать [5].

Ему вторит собеседник по встрече в приемной «Российской газете» известный журналист Владимир Снегирев, прошедший многие «горячие точки»:

В качестве примера журналистского мастерства западной прессы хочу привести случай с моим старым знакомым Джоном Симпсоном. Пять лет назад, когда американские войска вошли в Ирак, он вел с войны прямые репортажи Би-би-си. Очередное прямое включение. Он стоит перед камерой, говорит примерно следующее: мы находимся в Северном Ираке, идем колонной на Багдад, вот летят наши самолеты, они проходят мимо нас... И вдруг эти самолеты атакуют по ошибке эту колонну. Джон Симпсон, репортер Би-би-си, которому уже далеко за 60, продолжает вести репортаж. Осколком ранен, весь в крови. Но продолжает вести репортаж под огнем. Убивают оператора. Камера падает. Джон Симпсон поднимает ее и не отключается от эфира. Для меня это был пример журналистского долга. Но тот репортаж — а это уже к вопросу об объективности — потом нигде и никогда не повторяли. О нем вообще стараются не вспоминать, ведь речь шла о военной ошибке, так называемом дружественном огне [5].

На основании добытых фактов и мнений журналист может сделать выводы **о тенденциях развития происходящего**, способности военного пожара к расширению и углублению, втягиванию в себя все новых территорий или групп населения, к интернационализации, к привлечению крупных военных международных организаций. Могут и должны быть оценены **возможные варианты разрешения конфликта**, условия его окончания и последствия. В качестве ближнесрочных и долгосрочных последствий могут быть рассмотрены политические, экономические, военные итоги:

В начале этой недели Британия тихо сняла свои возражения против начала переговоров ЕС и России по вопросу нового договора о партнерстве. А ведь она практически в одиночку застопорила эти переговоры в знак солидарности с Грузией. Похоже,

последний приступ официального фырканья в адрес России проходит. Но в Москве чувство неприязни и плохие воспоминания останутся, пока кто-нибудь в Лондоне и Вашингтоне не признается, насколько неверно они расценили войну между Россией и Грузией [2].

Аналитичность материала только выигрывает, если размышления и выводы журналиста подкрепляются точкой зрения признанного эксперта. Вот как это делает в своей корреспонденции Владимир Кожемякин, приводя слова известного политика:

По мнению Константина Косачева, председателя комитета Госдумы по международным делам, кавказский кризис позволил избавиться от иллюзий: мол, для того, чтобы мирно сосуществовать, достаточно идти на уступки партнерам [4].

Поскольку журналист представляет российские СМИ, выглядит вполне логичным, если он, работая над материалом, пытается прояснить **позиции, которые занимает по отношению к конфликту официальная Россия**. Может оказаться, что какие-то значимые общественные институты и организации страны имеют какие-то свои, отличные от официальных, точки зрения на происходящее. В таком случае, возможно, журналист сочтет целесообразным представить и альтернативные мнения. Это особенно важно в случае вовлечения в конфликт в том или ином качестве российских военнослужащих.

Разумеется, это только основные направления анализа ситуации журналистом, выполняющим редакционное задание в зоне вооруженных конфликтов.

-
1. Владыкин О. Точка невозврата близка // Независимое военное обозрение. 2008. 4 июля.
 2. Дежевски М. Почему Запад проигнорировал правду о войне в Грузии? // Индепендент. 2008. 12 нояб.
 3. Жирохов М. Маленькая миротворческая война // Авиация и время. 2008. № 5. С. 14.
 4. Кожемякин В. 100 дней после войны // Аргументы и факты. 2008. 12 окт.
 5. Куликов В. Не стреляйте в журналиста // Рос. газ. 2008. 26 авг.
 6. Найденов И. Мы вышли с поднятыми руками // Рус. репортер. 2008. 21 авг.
 7. Полесков К. Боевиков здесь никто не оправдывает. Но и не проклинают // Новая газ. 2005. 24 окт.
 8. Тертычный А. А. Военный анализ в СМИ // Журналист. 2008. № 9. С. 73–75.
 9. Хестанов Р. Какой была эта война // Рус. репортер. 2008. № 31.

Статья поступила в редакцию 10.04.2011 г.